

С *Драва, 1984, 22 лет* СТРАНА ВООБРАЖЕНИЯ

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Многофигурная композиция заслуженного художника РСФСР Светланы Григорьевны Рязановой «Старая гавань» посвящена Александру Грину и действительно вызывает в памяти «светлые страны воображения» этого замечательного писателя: необычные города и заросшие зеленую бухты, южные моря, кажется, впитавшие в себя все солнечные оттенки, и рассекающие их волны корабли с алыми парусами.

Я увидела эту композицию в Феодосийском литературно-мемориальном музее А. Грина: Рязанова подарила ее музею. Шли дни «гриновских чтений», и установленная у входа в зал конференция «Старая гавань», встречая съехавшихся из разных городов писателей, литературоведов, словно вносила в «чтения» свою ноту — говорила об органической связи литературы и изобразительного искусства.

«Старая гавань» — сегоднешний день художницы. А в мастерской хранятся работы, рассказывающие обо всем ее творческом пути.

Казалось бы, у художника стекла немного форм в распоряжении: сосуд, чаша, ваза. Но сколько самых разнообразных, порой очень сложных произведений создает Светлана Григорьевна на их основе. «Движение» так называется одна из композиций. И действительно, контуры составляющих ее декоративных ваз так текучи и неуловимы, а приданный им взлет так взволнован и динамичен, что зритель будто присутствует при мгновении, когда раскаленная стеклянная масса еще плавится. В то же время в работе этой нет ни грана случайности — все ритмы, все линии продуманно и четко соотношены как друг с другом, так и с художественной идеей произведения — утверждением вечного круговорота жизни.

К произведениям С. Рязановой, на мой взгляд, больше всего подходит слово «скульптура». Она и поступает, как

скульптор: не рисует эскиз будущего изделия (так делают многие художники-прикладники), но лепит модель в глине. Метод этот позволяет добиться точности в производстве: стекловуд не только слушает объяснения автора, но во всех деталях видит, что и как должно быть исполнено. И вместе с тем произведения Светланы Григорьевны не просто скульптура, а скульптура из стекла: художница не повторяет форм, найденных в бронзе или в мраморе, ищет новые, присущие лишь ее материалу. В декоративном сосуде «Радость» прекрасная женская фигура вписана в толщу стеклянной массы — так и кажется, что это скульптура из воздуха, получившая объем благодаря твердости и прозрачности окружающей ее оболочки.

— Пожалуй, это одна из самых трудных задач, — говорит художница, — добиться того, чтобы насквозь просвечивающие формы не мешали, а помогали друг другу.

Ей это удается в полной мере. Не менее тонко использует она и способность стекла «впитывать» свет и тени. На солнечном свете ее композиции словно согреваются, фигуры приобретают особую наполненность, «полнокровность»; в тени же в них проявляются уже другие качества — певучесть линий, мягкая плавность объемов.

Как правило, работы Рязановой насыщены цветом, она считает, что цвет не только придает им дополнительную красоту, но и способствует созданию общей эмоциональной атмосферы. В декоративных сосудах «Красная Пресня» — это красный цвет, от сгущенного пурпурно-багрового до светлого, почти розового; он ассоциируется и с красными знаменами пролетариата, и с пролитой им кровью, и с зарею будущей победы. Композиция «Бухта Золотой Рог», поэтически воссоздаю-

щая дальневосточные озаренные солнцем утесы, вбирает в себя и золото полдневных лучей, и зеленую бархатистость ползущих по утесам мхов, и синеву морских волн. Каждая из этих работ решена по-своему: в одном случае С. Рязанова прибегает к тончайшим тоновым переходам, в другом — сталкивает открытые контрастные цвета — все зависит от создаваемого ею художественного образа.

«Красная Пресня» — одна из самых «повествовательных» ее работ. Не случайно высокие красные сосуды напоминают горящие факелы. Введенные в стекло лепные рельефы рассказывают о борьбе рабочих за свои права, но еще больше — об их душевном подъеме, воле к свободе. Избегая частных, временных деталей, художница выявляет общечеловеческие чувства и страсти. Рассказывая о конкретном историческом событии, стремится поднять его до символического звучания.

С. Рязанова много размышляет о роли и значении искусства. В композицию «Флоренция» вводит фигуру одного из «Рабов» Микеланджело, знакомство с произведениями которого оказалось сильнейшим впечатлением ее поездки в Италию. Искусство для нее — и высочайший взлет человеческого духа, и единственная живая возможность понять мироощущение людей прошедших веков. Этому и посвящена одна из ее последних работ — «Мои музы», в аллегорических женских фигурах воплощающая раздумья художницы о красоте и величии женского начала.

Еще в начале своего обращения к декоративному стеклу С. Рязанова заявила о праве этого вида искусства на самостоятельность, чего она и добивается всю свою творческую жизнь — сочетания красоты формы и глубины мысли.

О. ВОРОНОВА.